

Певца формирует репертуар. Шаляпин сформировался на новом, часто до него неизвестном репертуаре. В своих книгах «Страницы из моей жизни» и «Маска и душа» он оставил серьезнейшие размышления о природе творчества оперного певца. Это, пожалуй, единственные в истории книги, содержащие глубокий анализ работ, излагающие художественные взгляды артиста, а не просто перечисляющие роли, театры, в которых он выступал, рассказывающие лишь об успехах, гастролях, гонорах, что, к сожалению, нередко составляет основу мемуаров оперных певцов.

Фигуру Шаляпина в мировом оперном искусстве иначе, чем гигантской, не назовешь. Именно потому ни один певец, даже самый знаменитый, не стал в такой степени явлением художественной жизни последующих поколений, как Шаляпин.

Слушая пластинки знаменитых когда-то певцов, часто удивляешься: почему они имели такой успех? Очевидно, запись не передает всего того, чем покорял публику певец. С Шаляпиным такого вопроса не возникает. И дело не только в том, что голос Шаляпина «хорошо ложится на микрофон», как сейчас говорят. Дело в том, что духовное, художественное содержание его пения неизмеримо выше, нежели духовное содержание пения многих его современников.

Мы должны понять, что такая гигантская фигура в искусстве, как Шаляпин, передает нам уроки, которые надо уметь воспринимать. Вышедший из беднейшей семьи, не получивший систематического образования, Шаляпин стал одним из самых образованных людей своего времени. И вот эта потребность и умение «пожирать знания», как сказал о Шаляпине один из его современников, чрезвычайно важны, если мы хотим учиться у Шаляпина.

Круг знакомств Шаляпина был чрезвычайно широк, его друзья — это люди, составляющие гордость нашей отечественной культуры. Но недостаточно быть другом, недостаточно общаться с человеком, важно уметь извлечь из этого общения полезное для себя. И Шаляпин извлекал полезное из всего.

Относительно голоса Шаляпина говорят, что он был «поставлен от природы». Я вообще не верю в этот термин. Природа не может поставить певческий голос, поскольку пение — приобретенный навык. Другое дело, что Шаляпин умел учиться везде, где только мог: учился актерскому исполнению, умению носить костюм, гримироваться, двигаться, манерам, языкам. Так же он учился пению — слушая других, проверяя себя, используя, наконец, граммофонную запись.

Чрезвычайно поучительно, как из необразованного, нетесанного парня формировался человек образованнейший, обогативший свою память огромными знаниями, воспитавший себя и как человека, и как артиста. А ведь в первых откликах прессы на выступления Шаляпина мы встречаем и замечания о еще несовершенной вокальной технике, о том, что он не умеет носить костюм, просто актерски грамотно держаться на сцене. Шаляпин сам описывает воспитание своего художественного вкуса, например, рассказывает, как Мамонтов во время Нижегородской ярмарки показывал ему на выставке ра-

боты новых русских мастеров, в частности Врубеля; и Врубель Шаляпину не нравился, ему нравилась тогда гладкая, красивенькая, чистенькая живопись. Постепенно его вкус воспитался, и Шаляпин фактически сам стал художником, живописцем, примером самого себя — и притом выдающимся!

Мы можем прочитать в воспоминаниях Шаляпина о том, что он, по сути дела, заново учился говорить по-русски. Его простонародный, «окающий» волжский говор, как он понял, не подходил для исполнения ролей, в которых он должен был выходить на сцену. И он научил-

Евгений НЕСТЕРЕНКО

ТАК ПЕЛ ШАЛЯПИН

«Жизнь в пении» — так называется книга народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Евгения Нестеренко. Эта книга — размышления о путях развития советского оперного искусства, о собственном творческом поиске, о роли классического наследия для современного художника, несомненно, заинтересует и деятелей искусства, и широкую читательскую аудиторию. Главы из книги будут опубликованы в журнале «Москва». Мы публикуем отрывок, посвященный великому русскому певцу Федору Ивановичу Шаляпину.

ся говорить «по-барски». Больше того, Шаляпин со временем блестяще овладел французским и итальянским языками, знал украинский язык, пел по-английски с прекрасным произношением. У него были удивительные способности ко всему. Но любые трудности не могут быть преодолены без той колоссальной трудоспособности, которая была у Шаляпина.

Влияния Шаляпина трудно избежать. Когда я был начинающим певцом, то без конца слушал записи Шаляпина, и многие его интонации, его интерпретации образов буквально врезались в память. Работая над произведениями из его репертуара, было трудно освободиться от концепций великого артиста. Постепенно я понял, насколько различным бывает понимание того или иного образа Шаляпиным и, скажем, мной, поэтому мне было необходимо какое-то время вообще не слушать его записи, хотя для меня это — громадное эстетическое наслаждение.

Бывает так: певец якобы учится у Шаляпина, перенимает у него что-то и уверен, что действительно делает все это в интересах своего творчества и является последователем Шаляпина. А он ошибается. Он просто занимается копированием Шаляпина, вместо того чтобы следовать его заветам. Встречаются певцы, которые пытаются имитировать голос великого артиста, если же разобратся — не голос, а просто какие-то особенности его пения, часто ненужные, которые и у Шаляпина-то выглядят не так уж хорошо, а у другого певца тем более: различные придыхания, украшения, искажения нотного текста. Или, скажем, делают причуду «под Шаляпина», или грубо разговаривают с работниками театра, хотя оснований для конфликтов, какие, допустим, были у Шаляпина, у них нет. То же самое происходит с репертуаром. Певец вроде бы следует Шаляпину — поет те же песни, исполняет те же роли, причем старается скопировать грим и костюмы и, насколько возможно, сценическое поведение, считая, что так следует его заветам.

Но Шаляпин прежде всего искал свой путь в искусстве, свой репертуар, свою интерпретацию, завоевывал право на свое собственное лицо в искусстве. Ведь он жаловался, что, когда начал работать в театре, его заставляли играть так, как играл Мельников. Шаляпин осознавал свое предназначение в искусстве и в жизни и стремился идти своим путем. Следовать заветам Шаляпина, правильно воспринимать его уроки — значит быть самостоятельным в искусстве, пытаться обрести свое лицо. Мне иногда хочется сказать человеку, который, по его мнению, подражает Шаляпину: «Не тому

трагедия весьма и весьма поучительная.

Есть записи Шаляпина, сделанные в спектаклях, петь им за рубежом после того, как он оставил Родину. Они режут слух, чувствуешь: дирижер не понимает певца, дирижер — опытный, хороший — не выработал с артистом общего взгляда на произведение. Когда слышишь это не совместное музицирование, а более или менее благополучное сведение артиста с оркестром, становишься больно. Когда слышишь хор и солистов-партнеров с плохим русским произношением, понимаешь, что исполнение Шаляпиным ролей в русском репертуаре за границей — это совсем не то, что в его родных театрах, в Марининском и Большом, не то, чего был достоин артист.

Шаляпин провел за рубежом около 16 лет. Пел на всех лучших оперных сценах мира, имел огромный успех. Его похороны в Париже собрали толпы народа. Я был на знаменитом кладбище Пер-Лашез в Париже. Видел там могилы многих великих итальянских музыкантов, многих великих композиторов, художников, писателей Франции. Эти могилы, конечно, посещаются — на кладбище бывает много людей, — но на них нет цветов, которые есть на могиле Шаляпина на скромном кладбище Батиньоль.

Среди чужих могил — русский крест и надпись по-французски: «Здесь покоится Федор Шаляпин, гениальный сын земли русской». Когда служителя кладбища спрашиваешь, как пройти к могиле Шаляпина, он сразу оживает: «Русские, советские!».

На могилу Шаляпина приходят соотечественники, приехавшие в Париж из Советского Союза, и в этом — выражение любви народа к своему гению. Несмотря на мировое почитание (в театрах «Ла Скала», «Метрополитен-опера» мы можем увидеть портреты Шаляпина), музей Шаляпина существует только в СССР. 100-летие со дня рождения великого артиста отмечено изданием самого полного собрания грамзаписей, выпуском трехтомника «Федор Иванович Шаляпин» и других книг.

Весной 1973 года, вскоре после празднования 100-летнего шаляпинского юбилея, мне довелось побывать в Монте-Карло. Там была устроена большая выставка, посвященная 100-летию со дня рождения Дягилева. На ней меня особенно поразила бронзовая посмертная маска Шаляпина из коллекции Сержа Лифара. Если посмотреть на фотографии Шаляпина в молодости, у него простое, мужицкое лицо. Постепенно с годами оно как бы освещалось тем пламенем гениальности, что пылало в его душе, отшлифовывалось ролями, которые играл Шаляпин. На фотографиях певца в зрелом возрасте мы видим совершенно иную осанку и иное выражение лица — благородного, породистого, даже с отпечатком какого-то аристократизма. Маска же с лица мертвого Шаляпина меня поразила: смерть сняла весь налет, приобретенный им в течение его творческой жизни. Передо мной было лицо уставшего, глубоко страдавшего человека, простое русское крестьянское лицо, в котором трудно было узнать Шаляпина последних фотографий. Смерть обнажила суть человека, вышедшего из самых низов народа и прославившего этот народ, вернула гениальному артисту тот облик, который выражал его сущность.